

Полноценное использование элементов творчества в системе культуры управления предполагает разработку общих и специфических принципов, методов, структуры рассматриваемого вида общественных отношений применительно к разным условиям рынка, типам технологического производства, формам организации производства и видам предприятий, сферам совместной деятельности и специальным социально-психологическим типам личности и коллектива.

Творческий подход в управленческих отношениях служит развитию способов управления и превращению их в рабочий инструмент практической деятельности. Развитие творческих управленческих отношений возможно в условиях истинной целенаправленности организации, в атмосфере одобрения преобразований и инноваций и методов коллективного обсуждения идей, в организационной структуре, предполагающей наилучшее использование индивидуальных и коллективных возможностей и ресурсов. Для того, чтобы творческий подход стал частью повседневного управления, необходимы программы обучения персонала его методам и приемам, а также создание каналов использования новых идей для обеспечения практических результатов.

¹ См.: Морозова С. А. // Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 3. 1991. № 3. С. 32.

² См.: Омаров А. М. Предпринимчивость руководителя. М., 1990. С. 60.

³ См.: Пономарев Л. Н. Эффективность труда руководителя. М., 1988. С. 57.

И. А. РЯВКОВ, НГУЕН ВАН ТХАНЬ

ГУМАНИЗАЦИЯ НАУКИ КАК ФАКТОР ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ

В конце XX в. человечество, столкнувшееся с грозной проблемой выживания, испытывает состояние духовно-мировоззренческого вакуума и глубокую потребность новых ценностных ориентаций. С еще большей остротой эта проблема встала перед высшей школой, воспитывающей и формирующей специалистов, которые завтра будут определять способы и формы разрешения глобальных проблем общества. Не случайно Ф. Майор, генеральный директор ЮНЕСКО, называет одной из первоочередных задач высшей школы гуманистическое воспитание студентов и гуманизацию науки¹. Именно гуманизация науки, ее все возрастающая обращенность к человеку, все усиливающаяся социокультурная, гуманистическая оценка научных результатов выступают важнейшим фактором соответствующего воспитания студентов и самого процесса гуманизации образования.

Одним из направлений гуманизации науки является преодоление технократизма, сводящего роль человека к функции пассивного фиксатора в познавательном процессе, как и в обществе в целом. Сюда относится и дальнейшее совершенствование методологических принципов науки, преодоление, по словам Т. Адорно, «односторонности, сухости, нечеловеческого характера»² того механического рационализма, который господствовал в течение длительного периода в науке и который в значительной степени ответственен за технократические перекосы в науке и технике. Технократизм ответственен и за кризис в нашей системе образования.

Современная наука проникла сегодня в такие глубины материи, что каждый свой шаг она должна соизмерять с человеком и его перспективами, а старое априорное различие между научными и этическими ценностями, по словам нобелевского лауреата И. Пригожина, более неприемлемо³. Взаимосвязь науки и человека, единство объективно-познавательных и ценностно-культурных аспектов в научном познании изначально присутствовали в науке с первых ее этапов, хотя в силу общественно-исторических причин проявлялись по-разному.

Мировоззренческой основой античной науки было, как известно, представление о единстве микрокосма (человеческого мира) и макрокосма (Вселенной), в структуре которых заложена мировая гармония, математически раскрываемая симметрия. Здесь не было и не могло быть противопоставления природоведения и человековедения. Девиз «человек — мера вещей» хорошо отражает суть этого метода.

Средневековая европейская и арабо-исламская наука, в значительной степени базировавшаяся на фундаменте греко-римской науки, в части естественнонаучных дисциплин имели преимущественно прикладной и практический характер, сакрально санкционированный к тому же господствовавшей церковью. Характерной чертой средневекового мышления, как отмечают исследователи, было ценностное отношение к действительности, в основе которого, выражаясь современным языком, заключено «твердое убеждение в единстве субъективного и объективного»⁴.

Математическое естествознание, возникшее еще в античной Греции и возродившееся в эпоху европейского Ренессанса, оказало решающее воздействие на формирование науки Нового времени, важнейшей особенностью которой является ее формально-рационалистическая методология. Здесь огромную роль сыграл Г. Галилей (1564—1642) — «величайший основатель современной науки», по определению Б. Рассела⁵. Галилей среди других корифеев классической науки (Кеплера, Бруно, Ньютона) наиболее ярко выражает связь с наукой эпохи Возрождения XIV—XV вв. Ученые этого периода (Агрикола, Помпонацци, Коперник, Бруно и др.), выражая гуманистический характер научного познания своего времени, не только прямо подчиняли науку непосредственным интересам человека и общества, но и методологической трактовкой науки реабилитировали роль образного мышления в познавательной деятельности исследователя. Освободившись от схоластических догм Средневековья, наука этой эпохи сделала шаг вперед, опираясь на эмпирические наблюдения и систематизацию чувственно воспринимаемых явлений. В этом смысле принято говорить о так называемой эмоционализации науки Возрождения⁶, т. е. признании чувств критерием познания, что для того времени было прогрессивным в методологической трактовке познания и плодотворным для утверждения ценностно-познавательной природы науки.

Галилей как яркий представитель зарождавшейся классической науки всей своей жизнью, содержанием своих идей и теорий продолжает гуманистические традиции эпохи Возрождения. Гуманизм у Галилея и его окружения (друзей, учеников, единомышленников), став, по сути, формой общественного сознания эпохи, выступает как четкая тенденция гуманизации науки и знания, стремления поставить их на службу человека, его счастья. Будучи провозвестником и зачинателем рационализма как системы определенных гносеологических и методологических установок, Галилей, благодаря глубокой связи с гуманистической традицией Возрождения, выражает в стиле своего мышления синтез абстрактно-понятийного, в том числе математического и образно-эмоционального постижения мира, утверждая необходимость «естественных интерпретаций» данных, полученных при помощи органов чувств в процессе научного исследования⁷. Здесь Галилей своей методологией гуманистического рационализма, по сути, намечал наиболее продуктивное направление движения науки вперед.

Именно в современной науке, по словам Гейзенберга, так называемые архетипы как чувственно-образные выражения познающего интеллекта, насыщенные эмоциональным содержанием, становятся необходимым условием плодотворного познания, компенсируя недостаточность математически-символического языка науки⁸, т. е. языка формально-абстрактного рационализма. Дело в том, что в последующем развитии классической науки, особенно в XVIII—XIX вв., рационализм как методологическая основа дальнейшего развития научного познания все больше противопоставлялся ценностно-эмоциональному аспекту познавательной деятельности, утратив связь с гуманистической методологией Галилея и превратившись в механистический рационализм, искажавший общую направленность и основу познания.

Классический рационализм, явившийся результатом абсолютизации абстрактно-понятийного способа постижения действительности, ориентирующийся на тотальную математизацию и формализацию науки, превращает, по словам Фейерабенда, человека как субъекта познания в пассивного наблюдателя, в механического монстра⁹. Именно этот рационализм породил ставший особенно угрожающим в наше время технократизм, все более утрачивающий связь с ценностями и целями человеческой жизни.

Проблема рациональности в науке, как и вообще в человеческой деятельности, отражает определенные пропорции в соотношении целей и средств познавательной деятельности. Исторически менявшиеся формы рациональности на протяжении многовекового развития научного познания

выражались именно в той мере соотношения формально-логических средств познания и его целей, насколько эти цели служили благу и прогрессу человека. Все более нарастающая и подчеркнута выраженная объективность и дезаксиологичность классической науки XVII—XVIII вв., ее ориентация, главным образом на безусловное техническое исполнение научных достижений, привели к тому, что средства — инструментально-формальные аспекты науки — стали подменять ее гуманистически-ориентированные цели благополучия и интересов человека и человечества. Особенно остро и драматично для судеб общества это проявилось в подходе научного познания к решению глобальных проблем: сохранения мира, взаимодействия с природой.

Кризис классической рационалистической методологии современного познания в значительной мере обусловлен тем, что предметом науки, по замечанию В. Гейзенберга, все больше становится не просто природа как таковая, а «сеть взаимоотношений человека с природой», что не может полностью и адекватно описываться только в рационально-математическом формализме. При этом старое априорное различие между научными и этическими ценностями становится более неприемлемым.

Однозначная ориентация на принципы старого рационализма выступает препятствием развития науки и прогресса общества в целом. В то же время требуется не нигилистическое отрицание приоритета человеческого разума и рационализма вообще, а поиск нового гуманистического рационализма, и здесь гуманистические методологические принципы Галилея в науке приобретают для нашего времени исключительно важное значение. Сегодня, в период глобального экологического кризиса, приоритета технократизма в области экономики, культуры и образования становится особенно очевидным, что духовность и подлинная гуманность немыслимы без научности, так же как и научность без культуры и человечности, гуманистических ориентаций ученых и науки в целом. Представление о ценностно-нейтральном знании, сложившееся в классическом рационализме XVIII—XIX вв., привело к ошибочному методологическому выводу, согласно которому объективность и предметность научного знания достигается только тогда, когда из описания и разъяснения исключается все, что относится к субъекту и его познавательной деятельности, к его влиянию на объект познания¹⁰. Известный американский философ М. Полани считает, что подобная концепция науки и рационализма, основанная на безусловном разделении субъективности и объективности, несостоятельна, что, наоборот, в любом акте познания имеет место оценка предмета познания, и «этот личный коэффициент, который сообщает форму всему фактическому знанию, одновременно служит также для соединения субъективности и объективности»¹¹. Именно поэтому в современном научном знании, демонстрирующем к тому же мощную тенденцию интеграции различных наук, с особой силой выступает «рациональность совершенно нового типа», которую можно назвать по аналогии с галилеевской наукой гуманистической рациональностью. Новая рациональность, требующая целостного подхода к исследованию любого предмета познания, синтеза рационально-логического и образного отражения действительности, порождает новую науку, отличительным признаком которой, по мнению многих исследователей, следует считать «гуманизированную методологию, узаконивающую включение ценностного сознания во все элементы научной деятельности»¹². О «сильном взаимодействии проблем, относящихся к культуре как целому, и внутренних концептуальных проблем естествознания» в современной науке говорят И. Пригожин и И. Стенгерс¹³.

Технократическое мышление как продукт прежнего априорного рационализма свойственно не только науке, но отсюда распространяется и на другие сферы общества: политику, образование, воспитание и, по сути, означает примат средства над целью, техники над человеком, средств и форм воспитания над содержанием и результатом — полнотой и духовным богатством личности. В системе образования такой односторонний подход ведет к представлению о человеке как программируемом объекте самых разнообразных внешних воздействий и манипуляций, а не как об автономной личности.

В усилиях, направленных на достижение гуманистического развития общества и человека, справедливо утверждает генеральный директор ЮНЕСКО Ф. Майор, образование, построенное на принципах современной гуманизирующейся науки, играет фундаментальную роль¹⁴. Конечно, этот

процесс глубокого овладения содержанием и методологией науки должен целенаправленно дополняться акцентированием воспитательного воздействия на нравственно-этические и культурно-ценностные приоритеты формирующейся личности будущего специалиста. Компьютерная революция, коренным образом изменившая характер производства и общества в целом, способствует тесному переплетению нравственно-ценностных мотиваций поступков и решений человека с профессионально-экономическими, политическими и тому подобными ориентирами. Гуманизация общества требует, чтобы в этом процессе приоритет отдавался нравственно-ценностной ориентации личности.

Поскольку решение сложнейших производственно-экономических и научно-технических задач современного общества происходит и будет происходить в условиях информационного взрыва и плюрализма мнений и позиций, необходимым требованием к воспитанию и образованию личности студента и будущего специалиста должно быть формирование у них творческого критерияльного мышления, позволяющего в многообразии концепций и решений сделать свой гуманный выбор.

Реформирование школы, в том числе высшей, преследует цели формирования свободной гуманной личности, активно проявляющей себя не только в процессе профессионального и общекультурного роста, но и в общении, жизни, в любой практической деятельности. «Именно человеческая личность должна стать центром того процесса, который получил название гуманизации общества, науки, образования, культуры»¹⁵.

¹ См.: Майор Ф. Завтра всегда поздно. М., 1989. С. 275 и далее.

² Адорно Т. // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 368.

³ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. С. 386.

⁴ Мудрогей Н. С. // Вопросы философии. 1989. № 12. С. 21, 23.

⁵ Рассел Б. История западной философии. М., 1958. С. 550.

⁶ См.: Кузнецов Б. Г. Идеи и образы Возрождения: Наука XIV—XVI вв. в свете современной науки. М., 1979. С. 156, 198.

⁷ См.: Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 207.

⁸ См.: Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987. С. 122.

⁹ См.: Фейерабенд П. Указ. работа. С. 317.

¹⁰ См.: Стёпин В. С. // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 36, 37.

¹¹ Полани М. Личностное знание. М., 1985. С. 39.

¹² Круглова Л. К. // Диалектика, творчество, гуманизм. Л., 1991. С. 25.

¹³ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. С. 61—62.

¹⁴ См.: Майор Ф. Завтра всегда поздно. С. 135.

¹⁵ Тарасюк Л. Н., Цехнович К. Н. // Современная высшая школа. 1989. № 3. С. 309.